

Т. В. Волокитина

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕНОМЕН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Сложившаяся в общих чертах к концу Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система договоренностей представляла собой структуру международных отношений с отчетливо выраженным геополитическим принципом разделения мира на сферы влияния. Реализация известного «процентного соглашения», достигнутого в октябре 1944 г. на встрече У. Черчилля и И. В. Сталина в Москве, закрепила переход Восточной Европы в сферу интересов Советского Союза. Геополитическое положение региона – между СССР и Германией, роль Советского Союза в разгроме фашизма определили признание приоритета СССР в этой части континента. Однако уже вскоре стало очевидным, что это отнюдь не означало согласия на установление безоговорочного советского влияния, причем со временем позиция западных союзников постепенно ужесточалась. Если на заключительном этапе войны американская администрация традиционно заявляла об отсутствии «жизненных интересов США» в Восточной Европе¹, то во время подготовки мирных договоров США и Великобритания уже всюду пытались «просунуть ногу в дверь, ведущую в Восточную Европу»². Позднее в соответствии с доктриной «сдерживания» цель западной политики в регионе формулировалась как «постепенное сокращение и, по возможности, устранение преобладающего советского влияния в Восточной Европе, не прибегая к войне»³.

На рубеже войны и мира восточноевропейский регион рассматривался советской стороной в первую очередь как пояс безопасности советского государства по западно-му и балканскому периметру советских границ⁴. Даже в самых строго секретных разработках и рекомендациях Наркомата иностранных дел мы не найдем никаких планов экспорта революции. Главный приоритет очевиден: создание в будущем эффективной системы безопасности в Европе, установление баланса сил, в соответствии с которым внешняя политика и оборона государств этого «пояса» находились бы под советским контролем. Надо сказать, что позиция Москвы в то время вполне адекватно оценивалась союзниками. Американский посол в советской столице Джордж Кеннан в сентябре 1944 г. сделал следующее наблюдение: «Заботы о безопасности всегда доминировали в психологии советских властей», а сталинская программа территориальной и политической экспансии, во многом основанная на опыте царизма, была призвана «обеспечить России защитную зону против нападения с Запада»⁵. Более того, в новейшей литературе по истории международных отношений указывается, что советская политика, направленная на создание защитного пояса из просоветски настроенных государств вдоль западных границ СССР, получение свободного выхода в Мировой океан и обеспечение максимальной глубины обороны по всему периметру СССР, к весне 1946 г. изменилась значительно меньше, чем политика западных стран⁶. Соглашаясь с этим выводом по существу, заметим лишь, что корректнее, на наш взгляд, было бы говорить не о просоветских, а о дружественных Советскому Союзу позициях соседей: это было

на тот момент гораздо важнее для московского руководства, сознательно отодвигавшего на дальний план социалистическую перспективу развития континента⁷. Заметим, что критики такой интерпретации конкретно-исторического материала, как правило, ссылаются на известное утверждение Сталина в беседе с югославским коммунистом М. Джиласом в Москве в апреле 1945 г., согласно которому каждый из победителей, в том числе и СССР, распространит свою общественную систему на ту территорию, куда вступит его армия⁸. Иными словами, освободительная миссия Красной Армии неизбежно трактуется при этом как детерминированная прелюдия советизации региона. Такая позиция, как и все прочие, безусловно, имеет право на существование. Но для размышления в связи с этим приведем другую оценку: в июне 1946 г. заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в беседе с корреспондентом Си-Би-Эс в Москве Ричардом Хотлеттом констатировал, что в России «произошел возврат к вышедшей из моды концепции безопасности, основанной на расширении территории – чем больше вы ее имеете, тем выше ваша безопасность»⁹. Здесь явно доминирует не классово-политический, а четкий геополитический подход. И хотя Сталин никогда не отказывался от признания важности идеологической компоненты во внешнеполитической сфере, исследования, проведенные на документальной основе, свидетельствуют, что вплоть до создания Коминформа осенью 1947 г. отнюдь не классовые задачи определяли реальную советскую политику в регионе.

На систему международных отношений и, в частности, на судьбу антигитлеровской коалиции несомненное влияние оказывал германский фактор. Современная историография признает нереальность новой германской угрозы в то время¹⁰, однако действовавшие тогда политики были настроены по-другому. Известны неоднократные заявления Сталина о возможности Германии возродиться в кратчайшие сроки, его опасения в связи с сокращениями интервалов между актами германской агрессии¹¹. Серьезное беспокойство по поводу потенциальной германской угрозы в будущем испытывали и западные союзники. Британское правительство обсуждало перспективу создания «общей системы обороны против Германии» и как важнейшей ее составляющей – «системы региональной обороны в Западной Европе». Показательно, что при этом Лондон допускал создание «какого-либо аналогичного объединения» антигерманской направленности в Восточной Европе. Цель в Востоку, и Западу при этом виделась одна – «сдержать Германию». Об этом, в частности, шла речь в беседе В. М. Молотова с послом Великобритании в Москве А. Кларком Керром 28 ноября 1944 г.¹² Обеспокоенность в связи с будущим Германии проявил и госсекретарь Соединенных Штатов Д. Бирнс во время консультаций с В. М. Молотовым в Лондоне 20 сентября 1945 г. Отметив решимость американского народа не допустить восстановления военного потенциала Германии, Бирнс в осторожной форме поднял вопрос о возможности заключения договора между СССР и США с целью «держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет»¹³. Иными словами, в глазах участников антигитлеровской коалиции германский фактор предстал как своего рода «невралгический узел» будущей европейской политики, а задача недопущения новой агрессии со стороны Германии – как весьма актуальная. До поры до времени германский фактор во многом стимулировал компромиссную тональность отношений между союзниками.

Сталин, задумываясь о создании послевоенной системы безопасности, острее которой следовало направить против Германии, как свидетельствуют документы, размышлял над идеей славянского союза. Об этом достаточно подробно сказано в историографии. Приведу лишь образную характеристику такого союза, данную советским лидером в беседе с американским католическим священником польского происхождения Ст. Орлеманьским в апреле 1944 г. в Москве. Сталин говорил о своей «мечте» –

«возродить политику Грюнвальда* на широкой основе»¹⁴. Однако, напоминая о значении Грюнвальдской битвы, положившей конец продвижению тевтонов на Восток, Сталин видел в идее «славянской солидарности» еще и блокатор планов федерирования Европы, разработка которых западными союзниками получила новый импульс в 1943 г. При этом советский лидер, говоря о «новом славянофильстве», решительно отмежевался от «старого славянофильства» и «царского великодержавного панславизма»¹⁵. Прагматизм советского руководства при использовании славянской идеи в противовес германскому фактору проявился наиболее отчетливо, пожалуй, в 1947 г., когда Москва, удачно сделав ставку на историческую память славянских народов, сумела воспрепятствовать привлечению Чехословакии и Польши к участию в плане Маршалла.

На завершающем этапе Второй мировой войны явлением мирового порядка стал подъем «народного радикализма»¹⁶. Маятник общественных настроений определенно смещался влево, что делало невозможным простое возвращение к довоенным структурам, даже в их либерально-демократическом варианте. В европейских интеллектуальных кругах, осознававших свою роль и растущее значение в общественной жизни, зрело ощущение, что «мировая история предоставила возможность политического, социального и идейного обновления демократии», что «весь вопрос состоит в том, как использовать эту возможность»¹⁷. Тяга к подлинной демократизации, намерение не допустить ужасов третьей мировой становились определяющими чертами новой фазы развития. В условиях роста авторитета и политического влияния СССР проявились особое внимание и интерес к идее социализма в различных его модификациях, в том числе и к советской модели организации общества. «Я не знал марксизма, когда в 1946 году... занял сторону той общественной силы, которая выступала за создание нового общественного порядка. Меня привлекла идея социальной справедливости, – напишет спустя сорок пять лет премьер-министр Польши М. Раковский. – Это были годы, когда многие самые светлые умы мира однозначно высказывались за социализм... Таков был дух того времени»¹⁸. То, что после войны мир станет «гораздо более социалистичным», признавал, к примеру, и президент США Ф. Рузвельт¹⁹.

Принципы действия антигитлеровской коалиции экстраполировались на внутриполитическую ситуацию в европейских странах. Постепенно оформлялось понимание, что следствием войны может стать сотрудничество разнородных политических сил на антифашистской, демократической основе. «Я чувствовал, что мы вступили в абсолютно новую эпоху, когда... возможен союз всех сил демократии – и социалистов, и буржуазных демократов – в борьбе с реакцией», – вспоминал позднее венгерский философ и литературный критик Д. Лукач²⁰. Особое значение придавалось на том этапе реформистскому, эволюционному пути общественных трансформаций вообще и переходу к социализму, в частности, своими «национальными» путями. В законченном виде указанный подход нашел отражение в разработанной президентом Чехословацкой республики Э. Бенешем концепции «социализирующейся демократии», т. е. новой, эффективной модели демократии с повышенной мерой социальной справедливости²¹.

Однако политической реальностью в советской сфере влияния на рубеже войны и мира стало возникновение одного из ограниченных вариантов традиционной представительной демократии, который мы условно определяем как демократию по соглашению. Она представляла собой властную коалицию из представителей левых партий (коммунистов, социалистов и социал-демократов), крестьянских партий и политических движений и демократических партий «центра». Через предвыборные блоки, прин-

* 15 июля 1410 г. около деревеньки Грюнвальд (впоследствии территория Восточной Пруссии) объединенные польско-литовско-русские войска под руководством польского короля Владислава II Ягелло окружили и нанесли поражение немецкому Тевтонскому ордену.

цип паритета или «партийного ключа» формировалась замкнутая политическая конфигурация, которая не только не оставляла места правым группировкам как виновникам негативного прошлого, но и определяла пределы допустимых проявлений партнеров по коалиции, блокировала любые крайние проявления в их политике. В исторический обиход подобные коалиции вошли под названием новой или народной демократии.

Конкретный материал показывает, что по масштабу соглашений и участия демократических сил в правящих послевоенных коалициях, по хронологической протяженности взаимодействия этих сил, по степени ограничения демократических норм и напряженности противостояния внутри коалиций, равно как и по соотношению воздействия внутренних и внешних факторов, ситуация в разных странах Восточной Европы принципиально различалась.

Наиболее широкой, продолжительной по времени существования и устойчивой была демократическая коалиция в Чехословакии, на состояние которой, безусловно, влияли имевшиеся в стране традиции демократического парламентаризма и элементы гражданского общества. В этих условиях участники коалиции обладали ограниченными возможностями прибегать к методам силового воздействия на общественные процессы. Вплоть до лета 1947 г. основным вектором развития в стране являлось динамичное продвижение от согласительной к представительной демократии. Сбои в демократическом механизме осуществления власти начали проявляться во второй половине 1947 г., когда компартия, опираясь на поддержку социально слабых слоев, стала систематически нарушать условия функционирования парламентской демократии. Вкупе с ответными действиями партнеров по коалиции это привело к блокированию деятельности Национального фронта, а в феврале 1948 г. к установлению властной монополии компартии в стране.

Принципиально иным содержанием отличалась ситуация в Югославии и Албании, где уже при переходе от войны к миру реальную власть сосредоточили в своих руках коммунисты. Этот факт стал объективным итогом деятельности компартий по организации движения Сопротивления, отразив их ведущую роль в национально-освободительной борьбе. Усилия других партий политического спектра придать власти неформальный коалиционный характер, запустить механизм согласительной демократии успехом не увенчались. Любые попытки на этом пути блокировались коммунистами и оказались кратковременными. В Югославии и Албании с самого начала политическая монополия компартий не имела никакой реальной демократической альтернативы. Широкий диапазон использования органов принуждения в политических целях и активный процесс сращивания компартии с государственными структурами четко определили вектор общественного развития как продвижение общества к левототалитарному режиму.

В Болгарии и Польше элементы согласительной демократии просматривались более четко. В обеих странах главные рычаги власти также контролировались коммунистами, однако общество не воспринимало безоговорочно ни ключевую роль компартии, ни ограниченный представительством только левоориентированных сил характер коалиции. Сопротивление части общества (в Польше значительной, в Болгарии – более узкой) на фоне необходимости сообща решать приоритетные общенациональные задачи подвело болгарских и польских коммунистов к пониманию важности общественного консенсуса. Отсюда – компромиссная тональность политики и использование, хотя и в ограниченном диапазоне, механизмов согласительной демократии. В указанных странах масштаб консенсуса и его продолжительность отличались исключительным динамизмом, а наличие коалиционной формы власти не всегда соответствовало ее содержанию. Тем не менее, конкретно-исторический материал позволяет зафиксировать вполне самостоятельные этапы функционирования согласительной демократии на сравнительно широкой социально-политической основе – соглашения коалиции

с лидерами крестьянских партий Н. Петковым и Ст. Миколайчиком. При этом власти учитывали не только динамику внутренней ситуации, но и воздействие внешних факторов – «восточного» (советского) и «западного». Характеристика ситуации в Болгарии и особенно в Польше будет неполной, если не отметить такую ее особенность, как применение уже в 1944–1947 гг. методов управления и контроля за обществом, присущих не демократическим, а тоталитарным режимам. Обозначилась перспектива превращения компартий в стержневую государственно-политическую структуру.

Принципиально иным был «рисунок» согласительной демократии в Румынии и Венгрии. При формировании режима в этих странах был задействован широкий спектр социально-политических сил при относительно слабом левом фланге, на котором располагались рабочие партии. Кроме того, внешний, прежде всего советский, фактор оказывал опережающее, по сравнению с внутривнутриполитической динамикой, воздействие. Все это определило относительную стабильность этапа согласительной демократии, протяженность которого обуславливалась процессами изменений в расстановке и балансе сил внутри коалиции в пользу левых партий.

Несмотря на различия и особенности ситуации в странах региона, в целом этап народной демократии отразил политически вариативное, переходное состояние послевоенного общества, отвергнувшего правый тоталитаризм в его разных модификациях, которые по терминологии тех лет объединялись общим понятием «фашизм»²².

Современный уровень конкретно-исторического знания позволяет констатировать, что аналогичные тенденции проявились и в западной части континента. Там тоже наблюдались явления, присущие народной демократии: сильная левизна в правительствах или в оппозиции, широкие симпатии к СССР и социализму, активность профсоюзов и пр. В зарубежной историографии подчеркивается, что «ситуация, подобная внутренней организации народных демократий, существовала, например, в Италии и Франции...»²³

На рубеже 1946–1947 гг. в восточной и западной частях континента проявились новые разнонаправленные тенденции. В советской сфере влияния, где отсутствовала выраженная позитивная динамика в экономической сфере, произошло усиление радикальных настроений. Снять существовавшие здесь острые проблемы мощными и постоянными «инъекциями» Советский Союз по объективным причинам был не в состоянии. Подъем левого радикализма в значительной мере был обусловлен и «качеством» социальной структуры восточноевропейских обществ. Эта структура характеризовалась неполнотой, множественностью открытых социальных типов, большим числом маргинальных слоев и, как следствие, неустойчивостью. Резкий выброс люмпенизированных масс в среду работавших по найму, произошедший в военные годы, провоцировал усиление левого радикализма не только в рабочем классе, но и среди крестьянства, мелких городских собственников и интеллигенции, утрачивавшей возможности профессионального самовыражения. С программами национальных и народных фронтов и деятельностью рабочих и крестьянских партий наиболее социально уязвимые слои связывали реальный шанс изменить свое положение в обществе. И уже первые шаги по реализации указанных программ оправдали эти надежды, вовлекая ранее не допускавшихся к политике и власти социальных «изгоев» в государственно-политическую жизнь. Предложенный массам общественный аванс был с готовностью принят. Это подтвердил взрывообразный (в десятки и сотни раз!) рост численности крестьянских и особенно рабочих партий, превратившихся в правящие и соправящие. Наполнение партий левого фланга коалиций представителями наиболее обнищавшей части общества оборачивалось ростом революционного нетерпения, требованиями насильственного отчуждения и перераспределения материальных благ на уравнилельно-обезличенной основе. Рождался соблазн решить сложнейшие экономические, социальные и политические проблемы методом «рывка», «скачка».

Как тут ни вспомнить булгаковского Шарикова с его простым рецептом действия: «Все у всех отнять и поделить!» Естественно, что вопрос о цене и тем более о долгосрочных последствиях такого подхода не рассматривался.

В Западной Европе ситуация развивалась, как говорится, с точностью до наоборот. Перспективы реальной экономической помощи со стороны Соединенных Штатов, обозначившиеся в связи с разработкой и принятием плана Маршалла, обусловили снижение радикализма и уменьшение влияния левых сил, в первую очередь, компартий. Участились факты нарушения взаимодействия между коммунистами и социалистами, представители компартии Франции вышли из правительства, а итальянские коммунисты были удалены из кабинета министров.

В этих условиях и Восток, и Запад предпочитали не вспоминать о предоставленном им принятой в Ялте в феврале 1945 г. Декларацией об освобожденной Европе «мандате на демократизацию» и проявили намерение поддерживать в собственной сфере влияния прежде всего своих классовых союзников.

О влиянии советского фактора на развитие внутривосточной ситуации в Восточной Европе российскими авторами написано немало. Изданы и документы отечественных архивов, дающие возможность читателю составить собственное представление об общественно-политических процессах в регионе и роли в них советского руководства.

Вкратце заметим, что советское влияние проявлялось дифференцированно и обуславливалось многими факторами: масштабами соглашений и участия демократических сил в коалициях, хронологической протяженностью взаимодействия партнеров, степенью ограничения демократических норм и остроты противостояния в рамках коалиций и пр. В Москве старались внимательно отслеживать конкретную обстановку в странах и действовать с учетом их особенностей. Заметим, например, что советская сторона не поддержала намерения финских коммунистов организовать «заговор» против президента Ю. Паасикиви²⁴, хотя раскрутка «заговоров» с помощью «людей из Москвы» в других странах советской сферы влияния имела место.

С точки зрения исторической перспективы народная демократия имела временный характер, поскольку несла в себе «гены» саморазрушения: ведь никто не отменял принципиально различные стратегические цели и задачи партнеров по коалиции. По мере разрешения общенациональных задач сужалось «поле» действия общественного консенсуса, и, как следствие, размывалась его основа. Эти качественные перемены осознавались всеми политическими силами, и каждая из них стремилась перехватить лидерство у партнеров по коалиции с тем, чтобы обеспечить реализацию собственных представлений о дальнейшем развитии. Сторонники либерально-демократической и аграристской альтернатив прилагали усилия к вытеснению рабочих партий на периферию политической жизни посредством выборов. Рассчитывая на свою победу, они надеялись изменить суть соглашения участников в рамках коалиции и таким путем обеспечить движение к представительной демократии. Именно этим объяснялась ожесточенная политическая борьба вокруг проблемы выборов в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, сопровождавшаяся попытками ее участников заручиться поддержкой внешних факторов. Победа, в конечном счете, леворадикальной альтернативы открыла коммунистам путь к монополии политической власти. В Восточной Европе народная демократия оказалась промежуточным этапом между авторитарными и тоталитарными режимами правого и левого толка.

Вместе с тем наличие в истории стран региона народно-демократического этапа оказало заметное влияние на последующий процесс формирования режимов советского типа, в частности, сузило возможности укоренения в Восточной Европе модели социализма «по Сталину» и, как следствие, обусловило неполноту возникшей тоталитарной

«конструкции». Спустя полвека это отозвалось коренным отличием политической ситуации в нашей стране и в странах бывшего «социалистического лагеря». На этапе посткоммунистического развития с его радикальной модернизирующей трансформацией в виде «построения основ капитализма» в Восточной Европе утвердилась, пусть с издержками, демократическая политическая система, тогда как на пространстве бывшего СССР возобладали «имитирующие» демократию авторитарные режимы различной степени жесткости.

¹ *Lynn, T. D.* The cold war begins. Soviet-american conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974, p. 378 etc.

² Цит. по: *Язькова, А. А.* Восточная Европа в политике СССР и США (1944–1945 гг.). – В: Проблемы истории холодной войны (Новая и новейшая история, 1991, № 3, с. 71).

³ *Containment. Documents of American policy and strategy. 1945-1950.* New York, 1978, p. 223.

⁴ *Наринский, М. М.* Европа: проблема границ и сфер влияния (1939–1947 годы). – Свободная мысль, 1998, № 3, с. 90.

⁵ *Кеннан, Джордж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002, с. 147.

⁶ *Печатнов, В. О.* Возвращение в Фултон. – В: Россия в глобальной политике. Т. 4, № 2 (март-апрель 2006 г.), с. 14.

⁷ *Волокитина, Т. В., Мурашко, Г. П., Носкова, А. Ф., Покивайлова, Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002, 29–30.

⁸ *Dilas, M.* Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990, s. 75.

⁹ *Холловэй, Д.* Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск, 1997, с. 226.

¹⁰ См., например: *Фатеев, А. В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999, с. 31.

¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 (отв. ред. Г. П. Мурашко). Т. 1. 1944–1948. М.–Новосибирск, 1997, с. 38, 40.

¹² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. 1944–1945 гг. М., 1983, 238–241.

¹³ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 43, д. 678, л. 71–72.

¹⁴ Восточная Европа в документах..., с. 39.

¹⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов (отв. ред. Т. В. Волокитина). Т. 1. 1944–1948. М., 1999, с. 86; РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 733, л. 69–70.

¹⁶ *Милибэнд, Р.* Парламентский социализм. Исследования политики лейбористской партии. М., 1964, 381–382.

¹⁷ *Стыкалин, А. С.* Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001, с. 111.

¹⁸ *Rakowski, M.* Jak to się stało. Warszawa, 1991, s. 7.

¹⁹ *Roosewelt, E.* This I remember... New York, 1979, p. 253.

²⁰ *Стыкалин, А. С.* Указ. соч., с. 109.

²¹ *Мурашко, Г. П.* Советский Союз и общественные трансформации в Восточной Европе в 1940-х–1950-х годах. Некоторые дискуссионные вопросы в современной российской и чешской историографии. – В: Власть и общество: Непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008, с. 226.

²² *Волокитина, Т. В., Мурашко, Г. П., Носкова, А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993, с. 306.

²³ *Tejchman M., P. Hradečný, J. Kolař, P. Prokš, J. Výkoukal.* Sovětizace Východní Evropy. Země Střední a Jižovýchodní Evropy v letech 1944–1948. Praha, 1995, s. 28.

²⁴ РГАСПИ, ф. 77, оп. 3, д. 88, л. 40; *Волокитина, Т. В.* Москва и политические репрессии в Восточной Европе в конце 40-х годов (По документам российских архивов). – В: България в сферата на съветските интереси. (Българо-руски научни дискусии). С., 1998, с. 56.